

МЕТАФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1

А.Л. Никифоров

ПРИРОДА ФИЛОСОФИИ

Представлена классификация философских систем, основанная на различии в способах изложения идей. Утверждается, что в современности имеет место отчетливое разделение на философию, ориентированную на науку, и философию, ориентированную на литературу. Автор статьи отдает предпочтение наукообразной философии, обосновывая свои выводы определенным набором аргументов.

Ключевые слова: философия, наука, литература, рациональная аргументация.

Философские системы, течения, направления, манеры и способы философствования можно разделять и классифицировать по самым разным основаниям: материализм и идеализм; монизм, дуализм, плюрализм; эмпиризм и рационализм; континентальная и англо-американская философия; научная и ненаучная (скажем, религиозная) философия и т.д. Мне представляется, что в настоящее время особое значение приобретает еще одно разделение философов – по способам философствования или по манере изложения своих идей. Это различие существовало, по-видимому, всегда, но в последнее столетие стало особенно наглядным.

За исключением периода Средних веков, философия развивалась в тесной связи с наукой и даже сама претендовала на то, чтобы быть наукой. Фалеса считают первым европейским философом, но он же был и первым европейским ученым. В творчестве Платона и Аристотеля философия была тесно переплетена с научными идеями и построениями. И в Новое время Декарт, Паскаль, Лейбниц, Кант развивали одновременно науку и философию. После того как в начале XIX в. благодаря возросшей специализации философия и наука стали институционально расходиться, философия все-таки стремилась сохранять некоторые родовые черты науки – точность, строгость, обоснованность построений. И такие люди, как Э. Мах, А. Пуанкаре, Б. Рассел, в своих философских произведениях придерживались стиля, характерного для науки.

Однако будучи тесно связана с наукой, философия в то же время никогда не ограничивалась тем, чтобы быть *только* наукой, она пыталась быть также и литературой, т.е. удовлетворять не только познавательный интерес, но доставлять и эстетическое удовольствие, выражать не только мысль, но и чувства философа. И как раз Платон – высочайшая вершина европейской философии – воплотил в своих «Диалогах» эту вторую – художественную – сторону философии. Близость философии к искусству и литературе в дальнейшем нашла блестящее выражение в поэме Лукреция «О природе вещей», в сочинениях Цицерона, в «Исповеди» Августина, в утопиях Т. Мора и Т. Кампанеллы, в философских повестях Вольтера и т.д.

Таким образом, можно, по-видимому, утверждать, что философское творчество всегда было связано как с наукой, так и с искусством. И точно так же, как говорят о сосуществовании в философии «линии Демокрита и линии Платона» (прошу прощения за плагиат), эмпиристской или рационалистической ориентации философов, имеет смысл, возможно, говорить о научной и литературной линиях в философии. Особенно ярко и резко различия в ориентациях философов на науку или на искусство проявились в последние сто пятьдесят – двести лет. Сейчас эта разница в способах философствования, в стиле изложения философских идей стала столь велика, что представители этих разных стилей философствования не читают работ друг друга и часто неспособны понять их. К этому добавляется еще и то, что как научное, так и в особенности литературное философствование в последнее время часто вырождаются либо в квазинаучную болтовню, либо в псевдолитературное пустословие.

Ниже я попытаюсь охарактеризовать научный или, лучше сказать, рациональный стиль философствования, затем – литературную философию, наконец, приведу примеры псевдофилософского мусора, который получает все большее распространение в последние десятилетия XX в.

1. Рациональная философия¹

Рациональный философ пытается формулировать ответы на многообразные мировоззренческие вопросы, скажем: что собой представляет окружающий мир – реален он или лишь моя иллюзия? Как доказывается его реальность? Существует ли один-единственный мир или их множество? Что такое время? Необходимо ли связано сознание с мозгом или оно может существовать само по себе? Продолжается ли жизнь человека после смерти его тела? Что такое познание, знание и истина? Что есть добро? И т.п. Конкретные науки дают некоторый материал для обсуждения подобных вопросов, но ответ на них обычно выходит за рамки их возможностей, поэтому ими занимается философия. Философ ищет свой ответ на эти вопросы, и когда он находит удовлетворяющий его ответ, то стремится обосновать его, придать ему убедительность и общезначимость. В его голове складывается некоторая мысленная конструкция, которую он затем излагает в статье или книге. Язык служит для рационального философа средством выражения мысли, средством передачи изобретенных им идей другим людям. Поэтому философ заботится о языке своих сочинений: старается подобрать наиболее подходящие, наиболее точные слова для передачи своих мыслей; стремится сделать свой текст как можно более понятным; использует риторические украшения для удержания внимания своего читателя. Но *не язык* главный предмет радио-

¹ Различие между двумя указанными выше стилями, способами философствования и философскими сочинениями представляется более или менее очевидным. Однако мне так и не удалось найти подходящих терминов для их обозначения. «Научная и ненаучная философия», «рациональная и иррациональная философия» и т.п. – все кажется неудачным. Я выбрал обозначения «философия мысли (рациональная философия)» и «философия слова (литературная философия)», хотя и они кажутся не вполне удовлетворительными. Быть может, это обусловлено тем, что нет четкой границы между этими двумя стилями философствования.

нального философа, а *мысль* – та мысль, которую он хочет передать читателю. Язык для него лишь *средство*.

Можно попытаться отметить некоторые черты, характерные для произведений рациональных философов.

1. В их текстах всегда (или почти всегда) можно найти *мысль*. Эту мысль формулирует обычно сам автор, но даже если он этого по каким-то причинам не делает, читатель сам открывает ту мысль, которую стремится передать ему автор. В текстах рациональных философов почти каждое предложение осмысленно, т.е. выражает какую-то мысль. Вот пример: «Связь между действием и его результатом, – пишет финский философ Г.Х. фон Вригт, – является внутренней, логической, а не каузальной (внешней) связью. Если результат не реализовался, действие просто не было совершено. Результат – это существенная «часть» самого действия. Грубая ошибка – считать действие причиной своего результата» [1. С. 101]. А вот абзац из сочинения известного отечественного философа: «Одним из видов злонамеренного обмана является клевета. Ее субъект (клеветник) обычно преследует сугубо личные цели, стремясь опорочить своих соперников, конкурентов, тех, кто мешает достижению его целей, а иногда и просто из зависти или из «любви к искусству». Люди честные, порядочные, талантливые нередко оказываются жертвой клеветы, в результате чего на первые роли выходят те, кто компенсирует недостаток знаний, способностей и других социально ценных качеств своими клеветническими действиями...» [2. С. 25].

Несмотря на то, что два упомянутых философа работают в разных странах и в разных областях философии – один опирается на символическую логику, другой тяготеет к психологии, они очень близки по стилю изложения. Легко заметить, что текст рационального философа выражает последовательность взаимосвязанных мыслей. Конечно, далеко не каждый автор владеет искусством слова, язык многих философских сочинений труден для понимания, однако при некотором усилии мысль автора можно обнаружить и ясно сформулировать. Рациональный философ не будет писать, если ему нечего сказать читателю. Поэтому прежде чем взяться за перо, рациональный философ спрашивает себя: «Какую мысль, идею хочу я передать читателю?»

2. Рациональный философ старается *обосновать* ту мысль, которую общает читателю. В отличие от ученого, которому он часто стремится подражать, философ не может поставить эксперимент или осуществить наблюдения для подтверждения своей идеи¹. Однако он может сослаться на данные науки. Чаще же всего в процессе обоснования он опирается на определения философских понятий, на рациональные рассуждения, в ходе которых устанавливает связь своих идей с какими-то общепринятыми положениями или выводит из них следствия, по-новому освещающие какие-то философские проблемы. В отношении обоснования философ похож на математика: обос-

¹ Следует заметить, правда, что в последние десятилетия в американской философской литературе получил широкое распространение так называемый «мысленный эксперимент». Однако мысленный эксперимент есть просто особый способ рассуждения, отличающийся использованием наглядных образов наряду с понятиями.

новьявая свой результат, математик также представляет его как следствие каких-то общепринятых постулатов или указывает на то, что этот результат помогает в решении каких-то математических проблем. Но философ может еще и обратить внимание на то, что его идея помогает нам лучше, глубже понять какие-то явления окружающего мира или общественной жизни.

3. Благодаря тому, что рациональный философ стремится ясно выразить свою мысль и обосновать ее, его мысленная конструкция может быть подвергнута критике. Неясность используемых им терминов и отстаиваемых идей, внутренняя противоречивость рассуждений, логическая порочность доказательств и обоснований – все это может служить пищей для критики. В конце концов, чуть ли не единственный способ развития рациональной философии – взаимная критика, критическая дискуссия, в процессе которой уточняются и исправляются предлагаемые решения философских проблем. Поэтому тексты рациональных философов часто начинаются с критики предшественников и современников. Рациональный философ *не внушает* свои идеи читателю, а посредством рациональной аргументации *убеждает* читателя согласиться с ними. *Критицизм* – отличительная черта рациональной философии¹. Например, я могу оспорить приведенное выше рассуждение фон Вригта, указав на то, что включение результата в действие лишит нас возможности говорить о неудачных, нерезультативных действиях, т.е. сделает понятие действия чрезмерно узким. Я могу сформулировать утверждение, противоположное тому, которое высказывает фон Вригт: действие является причиной своего результата. Возможно, в ходе дискуссии мы уточним понятие результата и придем к какому-то общему пониманию соотношения между действием и его результатом.

По-видимому, наиболее характерным примером рациональной философии можно считать так называемую аналитическую философию XX в., в частности тексты логических позитивистов и близких им по духу мыслителей. Однако в число рациональных философов попадут, несомненно, почти все крупнейшие представители философской мысли Западной Европы: Декарт и Ф. Бэкон, Спиноза и Лейбниц, Юм и Кант, Д.С. Милль и Э. Мах. Быть может, не будет большим преувеличением сказать, что философия Западной Европы на всем протяжении своего существования вплоть до XIX в. развивалась именно как рациональная философия – философия мысли и рационального рассуждения в тесной близости с развитием научного познания.

2. Литературная философия

По-видимому, наряду с рациональной философией всегда существовала литературная философия, или философия слова, которая вдохновляется не

¹ На эту особенность зарождающейся философии и науки указывает, в частности, К. Поппер: «...греческие философы изобретали *новую традицию* – традицию критического отношения к мифам, традицию их обсуждения, традицию встречать возражения со стороны тех, кому рассказывается миф. Рассказывая свои мифы, они были готовы выслушать то, что думают по поводу этих мифов их слушатели, и допускали, что у слушателей может найтись лучшее объяснение, нежели их собственное. Такого никогда не бывало прежде» (*Поппер К. Предположения и опровержения*. М.: АСТ, 2004. С. 218).

столько мыслью, сколько чувством и при выражении этого чувства часто использует не философские категории, а художественный образ. За немногими блестящими образцами она, как мне представляется, обычно находилась где-то на обочине магистрального пути развития философии. Но в XVIII–XIX вв. этот стиль философствования получал все большее распространение, а во второй половине XX в. стал чуть ли не господствующим, значительно потеснив рациональную философию.

Взглянем на текст датского философа С. Кьеркегора, сочинения которого долгое время не привлекали никакого внимания, может быть, как раз потому, что в первой половине XIX в. еще сохранялось доминирующее положение рациональной философии. «Тот, кто воспитывается страхом, – воспитывается возможностью, и только тот, кто воспитывается возможностью, воспитывается сообразно своей бесконечности. Поэтому возможность – тяжелейшая из всех категорий. Правда, мы часто слышим нечто противоположное: что возможность так легка, а действительность так тяжела. Но от кого же мы слышим подобные речи? От пары жалких людей, которые никогда и не знали, что такое возможность, и которые, после того как действительность доказала им, что они ни на что не годятся и ни на что не будут годиться, теперь жульнически возродили возможность, которая некогда была столь прекрасна, столь волшебна; между тем оказалось, что в основании этой возможности лежала некая толика юношеских дурачеств, которых уж скорее пристало бы стыдиться» [3. С. 243]. Мне кажется, разница между этим текстом и отрывками из работ фон Вригта и Д.И. Дубровского совершенно очевидна.

Но наиболее ярким представителем литературной философии в XIX в. был, несомненно, Ф. Ницше, которого Б. Рассел в «Истории западной философии» так и называет – «философ литературного склада». Посмотрим на отрывок из его известного сочинения «Так говорил Заратустра». Это речь Заратустры «Об ученых»:

«Пока я спал, овца принялась объедать венки из плюща на моей голове, – и, объедая, она говорила: «Заратустра не ученый больше».

И, сказав это, она чванливо и гордо отошла в сторону. Ребенок рассказал мне об этом.

Люблю я лежать здесь, где играют дети, вдоль развалившейся стены, среди чертополоха и красного мака.

Я все еще ученый для детей, а также для чертополоха и красного мака. Невинны они, даже в своей злобе.

Но для овец я уже перестал быть ученым: так хочет моя судьба – да будет она благословенна!

Ибо истина в том, что ушел я из дома ученых, и еще захлопнул дверь за собою.

Слишком долго сидела моя душа голодной за их столом; не научился я, подобно им, познанию, как шелканью орехов.

Простор люблю я и воздух над свежей землей; лучше буду спать я на волчьих шкурах, чем на званиях и почестях их» [4. С. 90].

По-видимому, здесь также присутствует мысль, которую приблизительно можно было бы выразить так: «Не люблю я ученых и не дорожу званием»

ученого, скучно мне в научном сообществе». Однако этой простой мысли автор придает изысканную словесную форму, и именно эта форма, а не мысль становится главным достоинством текста Ницше.

Попробуем понять, чем же литературная философия отличается от рациональной философии?

1. Первое отличие уже явно выразилось в приведенных выше текстах Кьеркегора и Ницше: если для рационального философа главное – это мысль, последовательность мыслей, и язык, слово важны для него лишь постольку, поскольку дают возможность выразить мысль, то для литературного философа главным становится сам язык, языковая форма текста, создаваемый художественный образ, а мысль оказывается чем-то второстепенным, порой даже несущественным. Поэтому содержание текстов такого типа философии нередко обнаруживает чрезвычайную бедность и тривиальность. Если рациональный философ сначала изобретает какую-то мысль, находит решение какой-то проблемы, а потом излагает их на бумаге, то литературный философ сначала пишет, сплетает слова, и лишь потом в возникающем тексте постепенно начинает просвечивать какая-то мысль. Вот на нескольких страницах известный философ XX в. М. Хайдеггер рассуждает о крестьянских башмаках:

«Дельность изделия, надежность, искони собирает и содержит в себе все вещи, все что ни есть, каковы они ни есть. А служебность изделия – сущностное следствие надежности. Служебность погружена в надежность, она ничто без нее. Отдельное изделие, если им пользоваться, изнашивается и истрачивается; но вместе с этим использованием и само использование используется, изнашиваясь и делаясь обыденным. И так само бытие изделия приходит в запустение и опускается. Такое опустошение дельности есть убывание надежности. А убыль, которой все вещи человеческого обихода бывают обязаны своей тоскливо-назойливой обыденностью, есть лишь новое свидетельство в пользу изначальной сущности дельности изделия. Истираясь и истрачиваясь, обыденность изделия начинает выпирать наружу как единственный и будто бы единственно возможный для изделия способ бытия. И теперь уже одна лишь служебность зрима в изделии. Она создает видимость, будто исток изделия заключен просто в его изготовлении, напечатляющем такую-то форму такому-то веществу. И все же у дельности изделия более глубокое происхождение. У вещества и формы и у различия того и другого более глубокий исток» [5. С. 67–68].

К сожалению, из сочинений подобного рода приходится приводить длинные цитаты, иначе вообще ничего понять нельзя. Но даже и обширные цитаты мало что дают. Мы чувствуем, что автор тужится донести до нас какую-то мысль, но сама мысль еще неясна, она еще едва просвечивает сквозь кружево повторяющихся слов, и только намеками автор способен указать на нее. Отсюда и какие-то неуклюжие слова, неологизмы, тавтологии – «использование используется», «дельность изделия».

У философов этого типа часто вообще нет мысли, а есть некое неясное чувство, которое автор стремится передать читателю. Возьмем, например, текст нашего ныне широко известного философа, рассуждающего о сознании и философии:

«Для меня же сознание есть некий сверхчувственный интервал. Или какой-то ритм, и философия есть запись такого ритма. Ритма, который является условием выполнения или реализации нашей сознательной жизни как человеческих существ. То есть философия закодирована в некий акт, лишь потом называемый «философией». Или, скажем так, потом могущий быть названным «философией». Когда уже есть философский язык, то мы можем назвать этот акт философией и эксплицировать его. В этом смысле цель философии как элемента, являющегося условием выполнения других частей или областей нашей сознательной жизни, заключена в самой же философии. Или, другими словами, философия есть мысль мысли. Тот акт, который я назвал интервалом, он как бы встроен, инкорпорирован в режим выполнения человеком своих сознательных, духовных целей и жизни. Эта пауза недеяния, поскольку я говорил, что движение сознания ненаблюдаемо, оно ничего не производит, никаких наблюдаемых продуктов. Или скажем так: есть реальная философия, которая присуща нам, если мы живем как сознательные существа. Если мы выполняем свою человечность. Философский акт как пауза в ряду других актов, являющихся условием самой их возможности и определенной последовательности. Назовем это реальной философией. И есть философия понятий и систем, в которых этот акт или элемент нашей духовной жизни может быть эксплицирован. Тогда философия предстает как удачный язык, посредством которого что-то эксплицируется. Но удачен он только потому, что люди проделали до нас подвиг мысли, подвиг медитации или какого-то очень сложного психотехнического опыта, что ушло затем в толщи истории культуры» [6. С. 54].

Увы, опять приходится приводить большой фрагмент, но иначе поступить нельзя: почти каждое отдельное предложение этого текста лишено смысла и только их связь на что-то намекает, что-то пытается нам передать. Бросается в глаза обилие метафор, почти ни одно слово не употребляется в прямом и привычном смысле. Если попытаться кратко и внятно выразить едва теплящуюся мысль, она окажется плоской и неверной. Но автор стремится передать еще и некое чувство, свое собственное переживание философии, свое отношение к ней. Это и заставляет его изобретать какие-то «интервалы», «ритмы», «мысли мыслей» и т.п.

2. Приведенные примеры достаточно ясно, как мне представляется, выявляют еще одну характерную особенность литературной философии: в ее текстах практически нет рациональной аргументации, она использует *внушение* вместо убеждения. Литературный философ не обосновывает свою мысль, а внушает ее читателю. Часто он старается передать читателю еще и какое-то чувство, а порой в его текстах вообще нет мысли, остается одно только чувство. Этим объясняется и широкое использование художественных образов, метафор, сравнений и прочих литературно-художественных приемов. В литературной философии не отдельное предложение является носителем смысла, а текст в целом: нужно прочитать все произведение – только тогда можно понять ту мысль, то чувство, которые стремился донести до читателя автор.

Все это вполне очевидно проявляется в приведенном тексте М.К. Мармардашвили: повторение одних и тех же слов и оборотов речи, игра полуто-

нами и оттенками значения слов гипнотизирует читателя, погружает его в оцепенение; не за что ухватиться, нечему возразить, как и не с чем согласиться; начинает постепенно казаться, что вот-вот что-то поймешь – что-то очень важное, сокровенное; все с большим вниманием вчитываешься, вслушиваешься в эти слова, и вскоре в голове ничего не остается, кроме этой монотонно звучащей речи. В процессе чтения таких текстов часто возникает впечатление, что за всеми этими словесными извержениями кроется какая-то тайна, в которую ты никак не можешь проникнуть. Это ощущение прикосновения к чему-то важному, к каким-то непостижимым глубинам или вершинам мысли и духа оказывает завораживающее действие. Так древние греки напряженно вслушивались в бессвязный бред пифии, стремясь открыть в нем волю богов. Ясные и легко понимаемые мысли начинают казаться плоскими и поверхностными, не стоящими внимания. Постепенно привыкаешь считать, что только такой текст обладает глубоким философским содержанием, который ты способен понять лишь отчасти, да и то с большим трудом.

3. Наконец, из отмеченных особенностей вытекает третья характерная черта литературной философии – *невозможность критики*, критической дискуссии. Могу ли я критиковать приведенный выше текст Ницше за то, что он использует образ овцы, а, скажем, не козы? Или за то, что ему скучно в сообществе ученых? Ну, скучно и скучно... В своей знаменитой статье «Устранение метафизики посредством логического анализа языка» Р. Карнап цитирует Хайдеггера:

«Исследованию должно подлежать только сущее и еще – *ничто*; сущее одно и дальше – *ничто*; сущее единственно и сверх этого – *ничто*. Как обстоит дело с этим *ничто*? – *Имеется ничто только потому, что имеется нет, т.е. отрицание? Или наоборот? Имеется отрицание и нет только потому, что есть ничто?* – *Мы утверждаем: ничто первоначальнее, чем нет и отрицание.* Где ищем мы *ничто*? Как находим мы *ничто*? – Мы знаем *ничто*. – *Страх обнаруживает ничто.* – Чего и почему мы боялись было «собственно» – *ничто*. В действительности: *ничто само – как такое – было тут. – Как обстоит дело с этим ничто? – Ничто себя ничтит*» (цит. по: [7. С. 77–78]).

Карнап полагал, что такого рода тексты лишены смысла, и привел этот отрывок в качестве иллюстрации бессмысленности традиционной философии. Возможно, Карнап был не совсем прав, ибо этот словесный поток способен пробудить у читателя какие-то мысли. Такие тексты похожи на так называемые «пятна Роршаха»: человеку показывают кляксу и просят сказать, что именно видит он в этом пятне. Почти каждый усматривает в нем некий осмысленный образ – облако, животное, гору. Так и с текстами литературных философов. В своей целостности они способны пробудить у читателя какую-то смутную мысль. Но Карнап прав в том отношении, что такие тексты невозможно критиковать, ибо входящие в них отдельные предложения сами по себе могут быть лишены смысла. Отрицанием ложного утверждения является истина; отрицание истины приводит ко лжи. Но отрицание бессмыслицы само бессмысленно! – «Нет, – захотите вы сказать, – неверно, что ничто себя ничтит». Но что же будет верно – то, что ничто себя читит? – Такая же бессмыслица!

Даже в том случае, когда какие-то смутные идеи шевелятся под толстым словесным одеялом, их трудно или даже невозможно высказать в явном и ясном виде. Когда вы пытаетесь это сделать, чтобы подвергнуть мысль автора критическому анализу, сам автор или его поклонники заявят, что вы неправильно поняли его текст, что он хотел сказать вовсе не то, что здесь не тот оттенок смысла, что какое-то слово используется не вполне обычным образом и т.д. В конце концов, попытка критики сведется к уточнению смысла слов, к разнице истолкований, интерпретаций и т.п. И рациональная аргументация вырождается в спор о словах¹.

Конечно, и представители рационального стиля философствования порой пишут бессвязно и неясно. Однако это происходит тогда, когда мысль еще только зарождается в виде неясной догадки и еще не обрела четкой языковой формы. Тогда философ использует те или иные способы ее выражения, подыскивает наиболее подходящие слова, повторяется, порой впадает в противоречия и в конечном итоге может создать довольно-таки бессвязный текст. Витгенштейн был безусловно неправ, когда утверждал, что о чем нельзя сказать ясно, о том следует молчать. Новая мысль никогда не появляется в полном облачении, как вышла вооруженная Афина из головы Зевса. Она рождается в виде смутного предвосхищения мысли, и еще нет слов для ее выражения. Автор едва способен выразить ее в каком-то корявом, запинаящемся тексте. Однако этот текст можно критиковать! Последующая критика, рациональное обсуждение постепенно помогают автору прояснить, уточнить свою мысль, найти для нее адекватную форму выражения. Здесь бессвязность, расплывчатость текста рассматривается как его недостаток, который постепенно устраняется.

Бессвязность и расплывчатость литературной философии иная – она не недостаток, а существенная сторона текста. В ее текстах мысль отнюдь не самое главное, важнее внешняя, словесная сторона. Поэтому нельзя устранить бессвязность и метафоричность текстов этой философии, нельзя устранить из них игру словами, ибо во многих случаях помимо этого в них ничего нет. Попробуйте уточнить и прояснить приведенный выше текст М.К. Мамардашвили, и вы уничтожите его магнетическое воздействие на читателя, вы уничтожите все, потому что кроме спотыкающегося каравана хромых слов в нем почти ничего больше нет.

¹ Некий американский автор, Джон Маккамбер, в своей книжке «Время в канаве» (или «Потерянное время») защищает Хайдеггера от Карнапа. Он пишет, что американский читатель познакомился со статьей Карнапа в 1959 г. Эту статью и цитату из Хайдеггера перевел на английский язык Артур Пап. Автор упрекает Карнапа в том, что он пропустил в цитируемом отрывке из Хайдеггера важные куски, восстановление которых делает текст Хайдеггера более понятным, а Папа упрекает за неадекватный перевод: Пап дает «Being», а нужно «beings»; Пап дает заглавные буквы, которые по смыслу не предполагаются текстом Хайдеггера; знаменитую фразу «das Nichts nichtet» Пап переводит как «The Nothing nothings» вместо более правильного «The nothing nichilates» и т.д. (*McCumber J. Time in the Ditch. Northwestern University Press, Evanston, Illinois. P. 76–81*). Вполне возможно, что Маккамбер прав в своих упреках, однако легко видеть, что дискуссия сводится к обсуждению слов и даже букв, а не проблем или идей.

Если аналитическую философию можно считать типичным образцом рационального стиля философствования, то литературная философия представлена текстами философов экзистенциалистской ориентации.

По-видимому, большая часть философов испытывает склонность и симпатию к тому или иному стилю философствования. В их сосуществовании выражается двойственная природа самой философии, которая колеблется между наукой и искусством и стремится пробуждать как мысль, так и чувство, пользуется как понятием, так и художественным образом. И высшие образцы философского творчества мы получаем в тех редких случаях, когда интересная философская мысль облекается в хорошую литературную форму. Таковы некоторые произведения А. Бергсона и Х. Ортеги-и-Гассета, С. Франка и Н. Бердяева, Тейяра де Шардена и Э. Ильенкова.

По-видимому, налет литературности присущ почти любому философскому произведению – независимо от способа философствования, которого придерживается автор. Возможно, это обусловлено самим характером философских проблем, на обсуждение и решение которых всегда накладывается личность автора, придавая его тексту индивидуальную окраску. Научные теории не несут в себе личностных особенностей их создателей. В формулировке законов наследственности, скажем, не разглядеть личности Г. Менделя, который был монахом, или голландца Г. де Фриза, немца К. Корренса, австрийского аспиранта Э. Чермака. В философском же произведении всегда присутствует личность автора, поэтому мы всегда отличим текст Беркли от текста Юма или текст Канта от текста Конта. Даже очень сухие рационалистические философы, работающие над одними проблемами и в одно время, отличаются друг от друга своей манерой письма, и легко усмотреть разницу между текстами М. Шлика, Р. Карнапа и Г. Рейхенбаха. В этом отношении философские работы похожи на произведения художественной литературы, а философия – на искусство¹. Б. Рассел помещал философию на «ничейной земле» между наукой и религией, но, может быть, она располагается, скорее, между наукой и искусством? Тогда становится вполне естественным и понятным то обстоятельство, что одни философы тяготеют к науке, другие – к искусству и литературе, одни стремятся выразить мысль, а другие – пробудить чувство и доставить эстетическое удовольствие.

Но плохо, когда философ литературной ориентации лишен необходимого дара. Произведение рационального философа можно читать, чтобы извлечь из него мысль, даже если это произведение написано корявым, трудным для понимания языком. Но зачем читать произведение, лишенное художественных достоинств и не наполненное мыслью, неспособное выразить чувство? Оно не пробуждает ни мысли, ни чувства, вызывая лишь скуку и раздражение. Тогда уж лучше читать стихи:

¹ Недавно один из философов нашего Института высказался в том смысле, что ему неинтересно читать философскую работу, если в ней он не видит личности автора. Отчасти с этим можно согласиться. Однако еще хуже, когда в работе кроме личности автора больше ничего нет. Взгляните, например: Ролан Барт о Ролане Барте. М., 2002. – Идеи Барта, может быть, интересны, но интересен ли он сам как человек?

Детство нежное, пугливое,
 Безмятежно шаловливое, –
 В самый холод вешних дней
 Лаской матери пригретое
 И навеки мной отпетое
 В дни безумства и страстей,
 Ныне всеми позабытое,
 Под морщинами сокрытое
 В недрах старости моей, –
 Для чего ты вновь встревожило
 Зимний сон мой, – словно ожило
 И повеяло весной?
 Оттого, что вновь мне слышится
 Голосок твой, легче ль дышится

Мне с поникшей головой?!
 Не без думы, не без трепета
 Слышу я наивность лепета:
 – Старче! Разве ты не я?!
 Я с тобой навеки связано,
 Мной вся жизнь тебе подсказана,
 В ней сквозит мечта моя;
 Не напрасно вновь являюсь я,
 Твоей смерти ожидаюсь я,
 Чтоб припомнило и я
 То, что в дни моей безопасности
 Я забыло в недрах вечности, –
 То, что было до меня.

(Я.П. Полонский)

В них есть и глубокая, поистине платоновская мысль, и окрашена она светлым воспоминанием о детстве, живущем в каждом из нас. Трудно философии соревноваться с поэзией! И превзойти поэзию может она только мыслью.

3. Синтаксическая философия

К сожалению, и тот и другой стиль философствования в своих худших проявлениях может вырождаться либо в схоластические, эзотерические выкладки по поводу надуманных, лишенных сколько-нибудь широкого интереса проблем, либо в словесную трескотню, в которой нет ни мысли, ни чувства.

По-видимому, философу трудно преодолеть свои симпатии к тому или иному стилю философствования и судить об их достоинствах или недостатках, так сказать, объективно. И мои симпатии, конечно же, принадлежат рациональному стилю философствования. Достаточно легко я мог бы найти в этой области примеры скрупулезного, технически изощренного анализа проблем, ничтожных с более широкой точки зрения. Тем не менее здесь все-таки обсуждают проблемы и идеи – пусть незначительные, пусть лишенные философской глубины, пусть интересные лишь очень тесному кругу специалистов. Поэтому я не хочу искать примеры из этой области. К тому же рациональная философия в наши дни повсеместно отступает, как мне кажется, под натиском наглой и крикливой псевдолитературной болтовни. Именно она захлестывает ныне нашу философию. Взгляните на пассаж из сочинения одного из модных ныне авторов так называемого французского постмодернизма:

«То, что три угла треугольника с необходимостью равны двум прямым углам, предполагает мышление, желание мыслить, мыслить треугольник и даже его углы: Декарт замечал, что нельзя отрицать это равенство, если о нем думают, но можно с успехом думать, даже о треугольнике, не думая об этом равенстве. Все истины такого рода гипотетичны, поскольку они не способны вызвать акт размышления в мышлении, так как они уже предполагают все, о чем спрашивается. Воистину, концепты всегда обозначают лишь возможности. Не хватает власти абсолютной необходимости, то есть первичного насилия над мышлением, странности, враждебности, единственно способной вывести мышление из его естественного оцепенения и вечной возмож-

ности: таким образом, существует только невольная мысль, вынужденно выванная в мышлении, тем более совершенно необходимая, что рождается она путем взлома, из случайного в этом мире. В мысли первичны взлом, насилие, враг, ничто не предполагает философию, все идет от мизософии. Для обоснования относительной необходимости мыслимого не будем полагаться на мышление, возможность встречи с тем, что принуждает мыслить, поднимая и выпрямляя абсолютную необходимость акта мышления, страсти к мышлению. Условия подлинной критики и подлинного творчества одинаковы: разрушение образа мышления – как собственного допущения, генезиса акта размышления в самом мышлении» [8. С. 174–175].

Это нельзя назвать даже нагромождением слов – здесь нет слов, а лишь их высохшие, сморщенные скорлупки. В этом мышином шорохе пустых звуков даже, казалось бы, хорошо известные слова – треугольник, философия, мышление, необходимость и т.д. – приобретают совершенно незнакомый и странный вид. Зачем? Ради чего? Ведь мысли-то никакой нет! И чувства нет. В русском языке имеется точное, хотя и несколько грубоватое обозначение такого рода текстов – «словоблудие». Слово имеет содержание, имеет смысл, за словом стоит понятие – мысль. Лишенное смысла слово превращается в звук, в типографский знак. Можно сказать, что это – философия *синтаксиса*, ибо она лишена семантики и сочетает слова, ориентируясь лишь на вид типографских значков или на перезвон произносимых звуков.

Или вот еще один автор из того же круга нудно и маловразумительно рассуждает о науке:

«Коперник заявил, что планеты имеют круговую траекторию¹. Истинное или ложное, это предложение содержит группу напряженностей, каждая из которых осуществляется на каждом из прагматических постов, вводимых в игру: отправителя, получателя, референта. Эти «напряженности» являются разновидностями предписаний, регулирующих приемлемость высказываний в качестве «научных».

Прежде всего, предполагается, что отправитель говорит истину о референте, в нашем примере – о траектории планет. Это значит, что его считают способным, с одной стороны, представить доказательства того, что говорит, а с другой – что всякое высказывание, относящееся к тому же референту, но обратное или противоречащее ему, отбрасывается.

Допускается также, что получатель может дать надлежащим образом свое согласие с высказыванием, которое он слышит (или отвергнуть его). Это подразумевает, что сам он является потенциальным отправителем, поскольку, когда он формулирует свое одобрение или неодобрение, то подчиняется тому же двойному требованию – доказать или опровергнуть – что и актуальный отправитель (Коперник). Следовательно, в потенции получатель

¹ Здесь автор дает ссылку: «Данный пример взят из работы Фреге «Ueber Sinn und Bedeutung» (1892)». Ну, это утверждалось задолго до Коперника, поэтому «заявлять» что-либо в этом роде Коперник не мог. Фреге упоминает Коперника мимоходом в связи с обсуждением косвенных контекстов и использует в качестве примера такого контекста предложение: «Коперник думал, что орбиты планет являются кругами» (см.: Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сб. трудов. М., 2000. С. 237). К сожалению, авторы подобного рода слышали только звон и продолжают звонить в своих текстах.

должен обладать теми же качествами, что и отправитель: он ему ровня. Но узнать об этом мы можем тогда и только тогда, когда он заговорит. Возможно, он не умеет говорить об этом научно» [9. С. 62–63].

Цитаты можно было бы множить до бесконечности, но они ничего не добавляют. Глупо было бы пытаться анализировать их, ибо в этом сером водопаде бессмысленных страниц и бессмысленных звуков нет ни мысли, ни чувства. Чуть только взглядишься в них повнимательнее, сразу же видишь, что это – чушь, бессвязный бред разорванного сознания, с которым невозможно ни спорить, ни соглашаться. Это и не философия, и не литература, а какая-то серая липкая паутина, обволакивающая мозг читателя и лишающая его способности мыслить. Увы, в последние десятилетия эта претенциозная болтовня, этот информационный шум увлек и некоторую часть наших отечественных философов. Взглянув на сочинения, претендующие на звание «философских», каждый, я думаю, обнаружит немало образцов словесной эквилибристики, которая ничего не дает ни уму, ни сердцу читателя.

Может быть, эта мода на нарциссическое пустозвонство в философии одна из примет нашего времени? Вместо музыки – рев электрогитар и грохот барабанов; вместо художественной литературы – «бестселлеры» в ярких обложках; вместо живописи – испачканные краской штаны «художника»; вместо философии разума и чувства – оглуляющее словоблудие. И пока, увы, не видно никаких границ и пределов этой деградации философской и художественной культуры.

В конце 80-х гг. японский философ Ф. Фукуяма опубликовал статью «Конец истории?» [10]. Несколько лет спустя появилась книга американского журналиста Дж. Хоргана под аналогичным названием «Конец науки» [11]. Я не удивлюсь, если вскоре в свет выйдет книга под названием «Конец философии». К сожалению, сейчас уже можно привести немало аргументов в обоснование тезиса о том, что философия – как любовь к мудрости, как рациональное и увлеченное размышление над фундаментальными проблемами человеческого бытия – постепенно умирает. Но это уже другая тема.

Литература

1. Вригт Г.Х., фон. Логико-философские исследования: Избр. тр. М.: Прогресс, 1986.
2. Дубровский Д.И. Обман: Философско-психологический анализ. М., 1994.
3. Кьеркегор С. Болезнь к смерти // Страх и трепет. М.: Республика, 1998.
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т.2.
5. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993.
6. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992.
7. Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М.: Прогресс-Традиция, 1998.
8. Делез Ж. Различение и повторение. СПб., 1998. С. 174–175.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 62–63.
10. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. М., 1990. № 3. С. 134–155.
11. Хорган Дж. Конец науки. М., 2000.